

Ю. В. Ростовский

СИМВОЛИКА ВОЕННОГО МУНДИРА

Символику военного мундира мы рассмотрим на примере мужского казачьего костюма. Следует отметить особое влияние на традиционный облик казака военной службы. Превратив области проживания казаков в территории военно-поселенческих формирований и заключив представителей казачества в рамки военно-служилого сословия, государство до известной степени регламентировало и казачий костюм. Создание на его основе войскового мундира стало одной из форм преобразования казачьей вольницы в дисциплинированную и верную трону вооруженную силу. Со своей стороны, оценив практичность казачьего традиционного костюма, формировавшегося в условиях военного быта российских окраин, армейские власти внесли в казачье обличье минимальные изменения. Казакам было предоставлено право нести службу в привычной, а главное, доказавшей свое удобство одежде. Эти новшества, в сочетании с традиционными народными представлениями казачества о сакральном значении одежды, в результате сформировали известный пиетет казака по отношению к военному мундиру, который сегодня, возрожденный из небытия, стал, по сути дела, зримым единственным символом пытающихся заявить о себе потомках военного сословия. По меткому выражению исследователя и знатока отечественной униформологии В. М. Глинки, «мундир всегда воспитывал своего обладателя с помощью символики». В военном костюме казака тесно переплелись как видимые, так и скрытые символы ратной жизни.

Изначально единообразия в одежде казачьих ватаг не существовало. Каждый, и в сражении и в мирные дни, обходился тем, что было под рукой в соответствии со своим разумением и климатическими условиями. Важнейшим преимуществом для казака, ведущего образ жизни повышенной опасности, являлась «обношенность» боевого костюма. Но уже в это время складывались определенные понятия вокруг отдельных предметов казачьего обличья.

Дороже всего в бою была голова. Именно отрубленные головы казаков в качестве трофеев любили представлять воины-кочевники Дикого поля. Магическим продолжением головы считалась шапка. Этот вид одежды в символике казачьего костюма имел наибольшее значение. «Прежде

чем надеть на себя шапку,— свидетельствует один из исследователей быта Запорожской сечи,— козак заматывает свою чупрыну за ухо и потом уже надевает шапку на голову; как надел шапку, то он уже и козак; это самое первое и самое главное одеяние казака». Не меньшее значение головному убору придавалось на Дону. Знаком приглашения в поход за добычей у донских казаков была подброшенная вверх шапка у станичной избы и призывный возглас. В критическую минуту боя головной убор в руках казака превращался в настоящее оружие. Еще в XVI—XVII вв. у донцов и запорожцев были папахи с особым суконным верхом, называвшимся «тумаком». Удлиненный верх этого головного убора ниспадал на бок в виде клина. Предохраняя голову от удара холодным оружием, козак вкладывал в тумак металлический каркас. В пылу схватки, лишившись основного оружия, он пользовался шапкой как кистенем. Именно этот вид действия стал основой для выражения «надавать тумак». Голосовал козак тоже шапкой. Характерный эпизод времен русско-турецкой войны 1877—1877 гг. приводит В. А. Дуров: «После очередного боя в казачьей бригаде В. В. Воейкова командованию части следовало выбрать самых храбрых казаков для представления к наградам. Но крестов оказалось меньше, чем достойных. Не желая умалить заслуги кого либо из сражавшихся, офицеры предоставили право выбора нижним чинам. Дело решили просто. Выстроив избранных в шеренгу, однополчане за спиной у каждого бросали свои папахи. Кто набирал их больше, тот и получал «Георгия».

Таким образом, к моменту введения единой форменной одежды для казачьего войска (впервые в 1796 г.) вокруг головного убора казака уже сформировался целый ряд устойчивых представлений. Его значимость возросла с появлением на нем зримых символов государственной военной службы. По форменной фуражке или папахе теперь можно было определить место казака в военной иерархии: состав — от нижнего чина до офицера, принадлежность к конкретному войсковому формированию, личные боевые заслуги казака. Единственное в своем роде форменное отличие на головных уборах носили, например, казаки 17-го Донского казачьего генерала Бакланова полка — так называемую «видимову голову», в память о выдающихся боевых заслугах казачьего генерала в Кавказской войне. Казачья папаха вместе с кавказской буркой стала центральным элементом памятника, воздвигнутого в Новочеркасске в память о Я. П. Бакланове. В полевых условиях за шнуром папахи или шапки нарочные или связные хранили наиболее важные документы, потому что считалось — потерять шапку козак может только с головой. В шапку зашивались образки, в доме ее нельзя

было бросить где попало, попытка сбить шапку с головы у казака рассматривалась как серьезное оскорбление.

Все это, вместе с традиционными представлениями о месте головного убора, создавало особый этикет этого элемента одежды в культуре казачьего костюма, способствовало формированию народных военно-патриотических традиций. Весь комплекс подобных этических норм к началу XX столетия аккумулировала в себе казачья форменная фуражка. Фуражку погибшего казака как символ воина, сложившего голову в честном бою, изрубленную или простреленную, вез домой его односум, побратим или ближайший родственник. В память о погибшем она возлагалась на божницу под иконы. Вернувшись из похода, казаки жертвовали башмаки-Дону свои головные уборы. В воспоминание о бывшей службе старики-ветераны продолжали носить форменные фуражки, но без кокарды. Именно такой подарок — новую форменную фуражку — привез своему отцу, вернувшись с фронта, главный персонаж «Тихого Дона» Григорий Мелихов.

Форменная одежда в казачьих войсках изменялась вслед за сменой обмундирования в регулярной армии, но в более сдержанных формах. Извечное стремление казаков к сохранению самостоятельности проявлялось и в одежде. Командование в этом вопросе допускало послабления. В одном из военных приказов 1903 г. подчеркивалось, что разнообразие материалов и некоторые отклонения от уставных образцов, в том числе цвета мундирных, шинельных и прикладных сукон, не должны служить поводом к браковке вещей, если их качество удовлетворительно.

С годами разница между общеармейским и казачьим обмундированием все больше стиралась, но отдельные элементы отличия форменного костюма прочно вошли в общественное сознание как исключительно казачьи, временами приобретая значение политического манифеста. Подобным символом в первые годы после октябрьских событий 1917 г. стал знаменитый однорядный казачий лампас. Установленный властью как внешнее форменное отличие для иррегулярной кавалерии по принадлежности к конкретному войску, он был настолько яркой и запоминающейся частью военного костюма, что с годами превратился в визитную карточку казака. После приказа о введении полевой формы защитного цвета для всего личного состава армии в 1907 г. казачьи полки практически ничем с виду не отличались от армейских. И только лишь серо-синеватые шаровары с цветными лампасами напоминали о принадлежности к казачьему званию, как прежде выделяя казака из общей воинской массы. Лампасы настолько ассоциировались с казачьими вольностями, что после победы Советской власти вызвали яростные нападки боль-

шевиков. Казаки, как известно, в подавляющем большинстве революцию приняли настороженно, очень быстро перейдя в стан ее убежденных противников. Именно с Дона пошла волна Белого движения. К тому же правительство постоянно привлекало казачьи части к выполнению полицейских функций как самую надежную вооруженную силу. И лампасы в глазах представителей новой власти превратились в символ неприемлемого сопротивления, став знаком беды для казачьего сословия на ближайшие годы. Выступая перед политработниками 8-й и 9-й армий Южного фронта, председатель Реввоенсовета РСФСР Л. Д. Троцкий объявил казачество заклятым врагом пролетариата и призвал уничтожить его как таковое, «рассказывать казачество... снять лампасы, запретить именоваться казаком».

Однорядный лампас украшал часть казачьего костюма, веками служившей казаку в военных походах, — шаровары. Одежда не стесняющая движений в быстро меняющейся динамике боя, при джигитовке и боевых действиях в пешем строю была незаменима в условиях постоянных военных стычек. Заимствованные у восточных воинственных соседей шаровары стали по сути национальной одеждой для казака-воина, проводившего добрую половину жизни в седле. Эта часть народного костюма так прочно вошла в повседневный и военный быт казачества, что сам факт первого облачения мальчика в настоящую мужскую одежду — шаровары считался значительным шагом на пути становления мужчины-воина и отмечался в семье, как праздник первых штанов.

Непременным и естественным украшением военного костюма всегда считались боевые награды — свидетельство профессиональной зрелости и личной отваги казака. Особенно ценились георгиевские знаки отличия — кресты и медали, дававшиеся за конкретные боевые подвиги. Не было в станицах большей гордости, чем полные георгиевские кавалеры, пользующиеся всеобщим почетом. По воспоминаниям жителей станицы Усть-Хоперской, полный мундир и награды в мирное время, вопреки традиции, позволялось носить лишь одному человеку — Алексею Гончарову, заслужившему в течение одной кампании все четыре креста. В знак уважения ему первыми отдавали честь даже офицеры и сам атаман. Значимость для казака, как военного профессионала, боевых отличий, сформировало еще одну устойчивую традицию казачьего менталитета — хранение в семье реликвий старшего поколения, это способствует продолжению лучших качеств казачьего рода — героизма и отваги в будущих поколениях. Именно так поступил наш земляк К. И. Недорубов, заслуживший полный бант в Первую мировую войну, когда решил сдать свои золотые

кресты в фонд обороны уже во время Великой Отечественной. Из четырех «Георгиев» два он оставил у себя, следуя казачьему поверью.

Военно-патриотический потенциал традиционного казачьего мундира эксплуатировался государством в очередной раз уже спустя годы после уничтожения казачества как сословия. В 1936 г. в целях укрепления идейно-политической атмосферы в рядах Вооруженных сил Союза ССР Наркоматом обороны приказом № 63 от 23 апреля было введено парадное обмундирование для казачьих кавалерийских частей по образцу как бывших степовых, так и горских войск. Кубанцам и терцам были возвращены бешметы, черкески, газыри и полный комплект кавказского холодного оружия. У донцов вновь появился чекмень, шаровары с лампасами и папаха. И именно в этой возрожденной форменной одежде прошли по Красной площади парадные расчеты казачьей кавалерии летом 1945 г. Символика казачьего костюма, даже в условиях полного подавления ее носителей, своим внутренним содержанием продолжала объективно выполнять роль сильного патриотического начала.

Военная служба, определявшая весь жизненный уклад казака, в конечном итоге сформировала и его национальный костюм. Военная символика, ставшая его отличительной чертой, легко читалась во многих традиционных частях казачьей одежды — от форменной фуражки, ставшей повседневным головным убором, до лампасов, уникального знака принадлежности к военно-служилому сословию. Влияние военизированного костюма оказалось настолько велико, что проявилось через десятилетия после почти полного его забвения. В первые годы постсоветского периода он стал символом движения за возрождение казачества в России.

Сегодня воспитательный потенциал казачьего мундира нашел применение в казачьем варианте кадетского образования. Зрелищно-декоративный элемент военного костюма выгодно дополняет творчество эстрадных фольклорных коллективов. Но казачья форма лишена своего основного содержания — военной службы. Даже при наличии официально включенных в государственный реестр воинских казачьих званий и присвоения их конкретным лицам, без настоящей службы — это всего лишь яркая, привлекательная одежда. А вернуть казачьему мундиру его исконное предназначение, хотя бы частично, вполне возможно. Достаточно вспомнить о том, кто составлял Собственный Его Императорского Величества конвой. Если существует Президентский полк, одетый в форменную одежду, выполненную в традициях русской армии, то почему бы в память о военных заслугах казачества не возродить в его составе казачий эскадрон и демонстрировать всему миру красоту и богатое внутреннее содержание этой стороны обширного казачьего наследия.